

Пелевин Виктор

26.03.03

Как правильно выйти в тираж

Виктор Пелевин: искусство литературного менеджмента

Издания 2003 — 26 марта с 13.
Пелевин никогда не дает интервью. Об этом знают все. В каждом своем интервью он объясняет, почему не дает их. Пелевин всегда хамит. Об этом знают все. На любом западном салоне он вежливо и ласково объясняет бюргерам, почему он им хамит. Пелевин всегда презирает суждения критиков... ну, и далее по тексту.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Виктор Пелевин (редкий снимок — без черных очков)

Современный литературный рынок, что в России, что в Европе, устроен жестко, единообразно и предельно рационально. Главный его принцип — ролевой. Набор масок. Как в итальянской комедии дель арте. Если писатель хочет добиться успеха (а какой писатель не хочет добиться успеха? разве тот, что не говорит каждому встречному, что ему на успех наплевать), он должен почти математически просчитать специфику своего дарования. Затем соотносить ее с готовым набором масок. Наконец, путем естественного отбора отвоевать одну из них у конкурентов и затем — этой роли соответствовать.

Если ты поставщик детективного сырья, как Маринина, будь им — и никогда не претендуй на излишний психологизм и не сочиняй драм. Если ты искусный стилизатор, как Б. Акунин, обслуживаю-

щий интеллигентскую аудиторию, несколько обленившуюся и обвешившуюся сладкого, то не пиши народных романов про Пелагию, а поставляй вовремя очередные романы про Фандорина...

К моменту, когда Виктор Пелевин начал строить свою писательскую карьеру, в России уже прошла мода на Карлоса Кастанеду, зато на пике была популярность интеллектуального беллетриста, элитарного массовика-затейника Умберто Эко. Пелевинские литературные пристрастия с самого начала были близки этому прихотливому опыту изысканного напускания туману в колбочки сиюминутной бессмыслицы.

Он прекрасно понимал, что строить острый сюжет не умеет — его фабульные конструкции примитивны, подчиняются нехитрой схе-

ме «герой пошел на улицу, встретил такого-то; потом опять пошел на улицу и встретил такого-то; наконец, он пошел на улицу и такого-то встретил». Русского языка у него тоже было что-то не очень чтобы этого; одну цитату из «Чапаева и Пустоты» я лично буду помнить всегда: «На ней было платье из черного бархата, закрывающее грудь и шею, почти до пола длинной...». Шея и, главное, грудь до полу длинной — смелый образ. Эротический.

Зато Пелевин обладал качеством, часто присущим журналистам и редко свойственным писателям: он чутко улавливал социальные токи, рифмовал свои темы с быстро текущей реальностью и точно подчеркивал линии нынешних тенденций в будущее. Чего стоит один только финал «Поколения П», где олигархический мир 90-х вылетает в телевизионное зазеркалье... В день несостоявшегося ареста Бориса Березовского вспоминать об этом особенно приятно.

И еще он обладал качеством, редко свойственным журналистам и часто присущим писателям: он наиверчивал на актуальные темы вихреобразные культурные ассоциации, так чтобы они просвечивали друг сквозь друга, но реальность сквозь них виднелась смутно, как сквозь закопченное стекло.

Минус, умножаясь на минус, давал очевидный плюс. Читая Пелевина, читатель смутно угадывал при-

кус Эко; поскольку же аудитория Эко в начале 90-х группировалась вокруг толстых журналов — свои первые романы («Из жизни насекомых», «Омон Ра») Пелевин понес именно туда. Затем, когда эта аудитория от толстых журналов отслоилась, он пошел вслед за ней — и быстро освоил книжное пространство. Тем более, что это сулило шанс зацепить тот слой потенциальных покупателей книг, которые толстожурнальную пыль никогда сдувать не стали бы. Необходимо было только выстроить грамотную пиар-стратегию, придумать завлекалочки, на которые не клюют традиционная тусовка, но без которой не может обойтись тусовка нетрадиционная. Не давать интервью, давая их. Хамить, не хамя. Впрочем, см. выше.

Результат. Пелевину, не опубликовавшему с 1998 года ни одной новой книги, но заполнившему все лотки по всей стране, удалось стать не просто рыночным писателем, но писателем сверхрыночным. И повторить в тесных пределах буржуазного мира просторный опыт советских писателей, которые могли годами ничего не писать, но печататься, не играть ровным счетом никакой роли в литературном процессе, но всюду представлять его, не быть труждающимися, но есть, презирать капитализм и славить Че Гевару, но обустраиваться на Западе, оставаясь на Востоке...

Что и говорить, успех.